

Расцвет жанра сказки

(И. Зиедонис. «Проказы и сказки». Изд. «Лиезма». Р., 1980)

Я. Райнис характеризует сказку как способ художественного изображения, который обладает большими возможностями «выразить реальную истину... Сказка — форма, которая в будущем еще сыграет большую роль» (из письма А. Биркерту 12.2.10.).

Действительно. Первая литература, с которой знакомится и которую любит маленький человек (не считая текстов колыбельных) с давних времен, — это сказка. Наверное, все дети по вечерам засыпают, слушая сказку, и каждый из них требует рассказать еще и еще одну. Как сказал О. Вацетис: «Хорошая сказка никогда не стареет. Рассказывая ее в сто первый раз».

К сказке обращались и латышские писатели, но, по сравнению с рассказом и новеллой, сказок, выдержавших проверку временем, сравнительно мало. Созданный по фольклорным мотивам «Курбад» А. Лерха-Пушкайша (1891), «Об Иголке и Шиле» Доку Атиса (1891), «Чертенята» Р. Блаумана (1895), адресованные подросткам читателям философские сказки Я. Порука «Факир» (1901) и другие, несколько сказок Э. Бирзниека-Упита,

большое наследие К. Скалбе — вот почти и все сказки в нашей литературе досоветского периода.

Настоящего успеха в жанре сказки добиться трудно. Об этом свидетельствует то, что почти во всех названных, а также и в других случаях его добивались не новички, а опытные мастера, которые до этого подтвердили свой талант в ином жанре. Успех сказок в латышской советской литературе пришел несколько позже, начиная с 50-60-х годов, благодаря своеобразным, высокохудожественным сказкам романистки А. Саксе, еще недостаточно признанным сказкам о цветах, и был не таким ярким, как в других литературах. В 70-80-е годы И. Зиедонис своими «Цветными сказками», с успехом расцветшими на международной арене, открыл «новую эпоху». Его новая книга «Проказы и сказки» тиражом в 50 000 экземпляров была раскуплена почти моментально.

Возможно, критику смущает необычная форма, да и воплощенное в ней частично асное, а частично лишь угадываемое содержание? Во всяком случае, одно можно утверждать

точно: наряду со сказками В. Гауфа, Х.-К. Андерсена и других классиков, И. Зиедонис создал произведения, адресованные и детям, и взрослым. Не имеет смысла дискутировать: кому из них больше. Главное, что обе стороны приобрели очень многое.

Памятуя высказывание Я. Райниса о «Золотом коне», что малыши больше будут его лишь смотреть, можно сказать, что «Проказы и сказки» несомненно увлекут юных читателей приключенческим сюжетом, комичностью ситуаций и языка. Понять же скрытую за этим критическую мысль они смогут лишь позднее. Не потому, что она слишком сложна, а потому, что ребенок еще мало сталкивался в жизни с подобными явлениями. Но сказки заставляют задуматься и в нужный момент все вспомнить.

Вот первое сочинение о Наморднике и Наперстке. Собака решила никогда не кусаться без причины, и Намордник ей больше не нужен. Наперстку вздумалось жить без работы — проталкивания иглы — и стать звоночком, хотя язычка звонка у него нет. И вот они оба (один — деспот, другой — лентяй) бессмысленно бродят

по свету, портя жизнь и другим и сами себе.

В «Сахарной сказке» два главных героя любят только сладкое и чуть ли не в каждой фразе обязательно произносят «сахар» («У тебя столько же сахара, сколько времени?»), «Сколько сахара надо?», «Сахар весь сегодняшний вечер и сахар в следующий четверг»). Такой комический прием не нов. В латышском языке он, например, использован свыше полувека назад в сказке английского писателя М. Марлоу «Рассказ хорька», которую напечатал А. Иесен в журнале «Малые тропики юности». Но там слово «хорек» повторяется неоднократно лишь шутки ради, в то время как повторы в «Сахарной сказке» несут определенную идейную нагрузку.

Последняя из двенадцати сказок — «Закорючка на букву «З» знакомит с очень активным деятелем Закорючкой, который ради порядка и красоты причисляет макушки хвойных елей и поучает: «...над вами проплывают облака, за всем подсматривают, поди знай, куда они уйдут, что о нас расскажут...». Он причисляет также и воду, убежденный, что каждому ручейку это по душе. Лишь увидев бесконечный морской простор, этот «деятель» осознает безнадзорность своих усилий и начинает рыдать.

Обычно писатель добивается особого успеха тогда, когда

созданный им литературный образ становится нарицательным — как, например, гадкий утенок или оловянный солдатик Х.-К. Андерсена. В первом ярком дебюте И. Зиедониса на сказочной ниве — «Цветных сказках» — таких образов еще не было, потому что автор больше внимания уделял не характеристам, а сюжету. В «Проказах и сказках» характеры — хотя бы в виде персонифицированных предметов — появляются неоднократно.

Но неужели нельзя высказать ни одного критического замечания? Можно, но лишь в том случае, когда у рецензии не было бы пределов и к тому же оценки; были распределены по их значимости. Тогда прежде всего пришлось бы говорить еще о богатом языке, остроумии, юморе, подтекстах, интересном авторском видении, которое отличает новые сказки от уже написанных К. Скалбе, А. Саксе и другими литераторами. И только после этого следовало бы заикнуться хотя бы о том, что отдельные сказки (например, «Кривая сказка») отстают от высокого уровня сборника (или просто рецензент не увидел в них глубокого смысла).

Возрождение жанра сказки на основе волевой фантазии не исключительное, а закономерное в литературном процессе явление — диалектическое противопоставление документальности.

А. Вилсон.